

16. Логика развития общественных организаций в современной России /Салменниemi С. [и др.] // Полис. 2009. № 1. С. 158-173. С. 159.

17. Власть и гражданское общество в современной России: перспективы взаимодействия (Резюме дискуссии) // Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 12. С. 75-78. С. 76.

18. Первый социальный проект «Лидера» //Коммуна. 2011. 21 марта. С.2.

Нечаев Дмитрий Николаевич, д-р полит. наук, проф., Россия, Орел, Орловский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы.

FEATURES FAKE-FUNCTIONING INSTITUTIONS OF CIVIL SOCIETY IN THE STRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE REGIONAL LEVEL

D.N. Nechaev

This article examines the phenomenon of fake-structures in the activities of the "third sector" at both the federal and, in particular, at the regional level. On the basis of expert assessments proposed typology of these fake-regional organizations in the structure of civil society.

Key words: the "third sector", NGOs, cooperation sectors of society, fake-structure.

Dmitry Nikolaevich Nechaev, Doctor of Political Sciences, , Russia, Orel, Orel branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

УДК 316.61

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ: ОБРАЩЕНИЕ К ПРОШЛОМУ В СИТУАЦИИ КРИЗИСА ИДЕНТИЧНОСТИ

Т.В. Евгеньева, А.В. Селезнева

Представлен политико-психологический подход к анализу политических представлений в контексте исторической памяти как оснований для формирования идентичности в кризисный период развития общества, рассмотрены особенности этого процесса в постсоветской России.

Ключевые слова: политическая психология, политические представления, историческая память, политическая идентичность, национальная идентичность, кризис идентичности.

Статья подготовлена по материалам проекта «Политико-психологические механизмы формирования национально-государственной идентичности в современной России» (грант РГНФ № 12-03-00307).

Одно из направлений, по которому сегодня происходит процесс поиска национальной идентичности в современной России, представляет со-

бой обращение к прошлому как отдельных общественных, этнических и других больших социальных групп, так и нации в целом. В ситуации отсутствия четкого понимания ценностей и смыслов существования российской нации в национальном самосознании ответ на вопрос "Откуда мы?" становится главным основанием для ответа на вопрос "Кто мы?". Отношение к прошлому становится, таким образом, одной из доступных массовому сознанию форм национальной самоидентификации.

В условиях не преодоленного до конца идентификационного кризиса историческая память становится тем экзистенциальным пространством, в котором граждане России заново находят свою идентичность, смысл своего существования, основу для объединения с нацией.

Историческая память: теоретический анализ с точки зрения политической психологии

В современной гуманитарной науке проблема исторической памяти является достаточно разработанной. Существует множество работ, посвященных как теоретическим аспектам данной проблемы, так и эмпирическому изучению исторической памяти россиян [3, 8, 9]. В то же время ученые в своих исследованиях используют множество терминов, подчас подменяющих друг друга («историческая память», «социальная память», «коллективная память», «коммуникативная память», «культурная память» и т.п.)

В рамках политико-психологического подхода историческая память рассматривается собственно с психологических позиций, основное внимание сфокусировано на представлениях о прошлом в сознании людей, механизмах их формирования, трансформации и актуализации в разные исторические периоды. Теоретическую основу нашего подхода составляют главным образом *концепции коллективной и исторической памяти*, где первая определяет формы ее существования – коллективные представления и социальные группы как их носителей, а вторая – выделяет из всего многообразия социальной реальности объекты представлений в историческом контексте.

Политико-психологический ракурс анализа коллективной памяти базируется на теории социальных представлений С. Московичи, которые он определяет как «совокупность понятий, высказываний и представлений, берущих свое начало в обыденной жизни, в человеческой коммуникации» [1, с. 181].

Политические представления являются формой социальных представлений, в полной мере имеют все их черты и характеристики, хотя и обладают определенной спецификой. Политические представления (репрезентации) нельзя отождествлять с простой реакцией индивида или группы на объекты политической реальности в рамках традиционной бихевиористской схемы. Их не следует также рассматривать исключительно с когнитивистских позиций как «отражение» политического мира. Политиче-

ские представления – это своего рода призма, сквозь которую люди смотрят на политические процессы. Кроме того, политические представления несут в себе конструирующий элемент, связанный с групповым или индивидуальным конструированием политической реальности [2].

Продолжая традиции французской школы социальной психологии, российские политические психологи считают, что социальные и политические представления носят групповой характер, коллективно создаются и коллективно поддерживаются [11]. Отсюда можно говорить о существовании политических представлений определенной социальной группы и социальной группе как носителе этих представлений. При этом социальными группами могут быть, в том числе, различные поколенческие общности.

Объектами политических представлений в контексте исторической памяти выступают исторические периоды (эпохи), события и личности, имеющие определенную позитивную или негативную значимость для отдельного человека или социальной группы. В политико-психологических исследованиях представления о прошлом являются одним из компонентов триады «прошлое – настоящее – будущее», определяющей темпоральные аспекты представлений о России. В процессе эмпирического изучения этих представлений внимание уделяется, в первую очередь, двум ключевым параметрам. Первый – *исторические события*, вызывающие у людей чувство гордости или сожаления, как индикатор символического определения людьми общих побед и поражений, косвенно влияющий на определение ими «чужих» и «врагов». Второй параметр – *исторические деятели прошлого*, которые оказали наибольшее влияние на развитие нашей страны и могут быть названы политическими лидерами, – с одной стороны, отражает персонификацию власти как особую черту ее восприятия в нашей стране, а с другой – определяет символы-персоны как основы для формирования политической идентичности.

Формирование политических представлений происходит в процессе *политической социализации* под влиянием ключевых институтов (семья, образовательные организации, церковь, армия), политических (политические институты) и неполитических (СМИ) факторов. При этом трансляция политических представлений в контексте исторической памяти осуществляется разными акторами (государство, политические партии и общественные организации) в разных формах (образовательная политика, государственные проекты и программы, государственные праздники, массовые акции) и через разные каналы (СМИ, Интернет).

Особое значение в формировании политических представлений в контексте исторической памяти играет этап *ресоциализации*, которую невозможно связать ни к каким возрастным периодом становления личности. Этот процесс вызывается изменениями социального, политического, экономического и культурного контекста жизни человека. Природа возникновения ресоциализации объясняется с позиций концепции социокультурно-

го кризиса [12]. Кардинальные трансформации политической и экономической системы страны сопровождаются социокультурным кризисом, который «подрывает не только господствующую в обществе систему рациональных (или представляющихся таковыми) ценностей и норм, но и утвердившиеся в нем символы и стереотипы» [6, с. 86] и может проявляться в форме кризиса идентичности личности.

Обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности

В психологической науке кризис идентичности понимается как результат постепенного разрушения представлений, лежащих в основе самоидентификации личности: представления о собственном целостном, устойчивом "Я" (утрата самоидентичности, начинающаяся нередко с исчезновения "признания" со стороны окружающих), представления о непрерывности своего существования во времени и пространстве ввиду исчезновения четких представлений о том и о другом (сужение пространства и времени), а также разрушение системы личностных смыслов (потеря смысла жизни). В качестве главной причины проявления российского социокультурного кризиса конца 80-х – начала 90-х гг. именно в форме кризиса национально-государственной идентичности ряд авторов выделяет как начавшиеся в середине 80-х годов процессы "дегероизации истории России изнутри", так и "вызов национальных историй извне, разрушающие привычные представления и символы веры русских" [7, с. 297].

Самоидентификация личности в советский период основывалась на сложившейся в течение длительного времени системе социокультурных и политических образов и символов, определяющих представления личности как об окружающей ее природной и социальной реальности, так и о своем собственном месте в ней. "Образ мира" советского человека, будучи мифологическим по своей природе, тем не менее, достаточно успешно стабилизировал его сознание и поведение.

Разрушение этого "образа мира", начатое в годы перестройки и особенно активно продолженное после 1991 года, привело к дестабилизации всей системы представлений значительной части общества. Ценности и нормы, определявшие процесс самоидентификации личности, неожиданно изменили свое значение, а общепринятые цели деятельности оказались лишены смысла. Разрушение самоидентификации личности в качестве "советского человека" при отсутствии адекватной компенсации и привели к нарушению процессов национально-государственной (гражданской) самоидентификации.

Конец 80-х - 90-е годы можно с полным основанием назвать периодом активных поисков новой идентичности.

Одно из направлений, по которому происходит процесс поиска новой идентичности, представляет собой обращение к неким "высшим" ценностям, воспринимаемым чаще всего в упрощенной, стереотипизированной форме, придающим внешнюю осмысленность ежедневному существо-

ванию. Ценности эти могут быть найдены в "героическом" прошлом отдельной личности, группы или нации.

Обостренный интерес к прошлому, попытки с его помощью не только понять настоящее, но и смоделировать будущее свойственны каждой культуре в условиях кризисного развития. Предчувствие катастрофы порождает желание перенестись в иное, мифологическое время, неосознанно отождествляемое с Золотым веком. Соединяясь с образами пространства, стереотипизированный образ прошлого формирует впоследствии новый образ мира, объясняющий массовому сознанию суть происходящих процессов.

Временные представления массового сознания в кризисный период характеризуются разделением на сакральное мифологизированное время, располагающееся в прошлом и периодически воссоздающееся посредством ритуала, и профанное время, начинающееся и заканчивающееся сегодняшним днем. История подразделяется на два неравноценных периода: предыстория, мифологическое время, отдельные элементы которого служат для объяснения происходящего в настоящем, и собственно история, начинающаяся, как правило, здесь и сейчас. А историческое развитие воспринимается не как движение в будущее, а как развитие в направлении к прошлому, к тому мистическому периоду, где заложены основы, корни настоящего.

В мифологическом восприятии героическое прошлое продолжает жить в настоящем, постоянно находится как бы внутри него. Оно предстает гораздо более живым и привлекательным, чем настоящее. Культурные и политические герои прошлого продолжают определять настоящее, а события прошлого заново воспроизводятся в настоящем посредством специальных ритуалов. По мнению М.Элиаде, с помощью ритуала общность пытается как бы воссоздать сакральное мифологическое время.

Этим объясняется кажущееся необъяснимым на рациональном уровне чересчур эмоциональное отношение сознания к историческим событиям далекого прошлого, усиливающееся в условиях кризиса. Такое отношение можно было наблюдать, например, среди участников массовых митингов в Татарстане в начале 90-х годов, посвященных очередной годовщине взятия Казани войсками Ивана Грозного. Казалось, участники митингов воспринимали эту трагедию как происходящую здесь и сейчас. В мифологизированном прошлом и сегодня лежат основные мотивировки деятельности политических лидеров и партий национал-патриотической ориентации ("Великая" Россия, Украина, Грузия и т.д.)

В условиях идентификационного кризиса история становится тем экзистенциальным пространством, в котором личность заново находит свою идентичность, смысл своего существования, основу для объединения с общностью. При этом в качестве основания для создания исторической мифологии могут быть избраны реальные исторические события, оказав-

шие как позитивное, так и негативное влияние на развитие общности. Американский исследователь в области этнической психологии В. Волкан определял их как "избранная общая травма" и "избранная общая слава"[5, с. 41-42].

При этом ближайшая история ассоциируется, как правило, с действиями сил зла, как бы извратившими изначально "правильное" направление развития, что и привело к кризису, а "настоящая" история переносится все дальше в прошлое. Так, в начале перестройки "настоящая" история ассоциировалась с ленинским периодом, а врагом был Сталин, позже "настоящая" история переместилась на дореволюционный период, а роль врагов играли уже большевики. С точки зрения противоположной мифологии "настоящая" история, наоборот, заканчивается со смертью Сталина, а главным врагом становится уже Горбачев. Сегодня для значительной части общества именно такой подход становится особенно популярным. Чем дальше в прошлое удаляется тот или иной исторический период, тем в большей степени действует механизм «избирательности памяти», в соответствии с которым сознание человека вытесняет негативные события и факты и в своих воспоминаниях опирается лишь на позитивные. Идеализация советского прошлого, ассоциирующаяся для представителей разных поколений с фигурами И. Сталина или Л. Брежнева, стала своеобразным ответом массового сознания на разочарования 90-х. Наиболее показательным примером могут служить результаты конкурса, проведенного в 2008 году Институтом истории РАН и телеканалом «Россия», в ходе которого в Интернет-голосовании И.В. Сталин периодически занимал первое место и лишь усилиями организаторов к подведению окончательных итогов переместился на третье.

Отрывочное, хаотичное восприятие не только российской истории вообще, но и совсем недавнего (советского и постсоветского) прошлого особенно характерно для молодого поколения, социализация которого пришлась на 90-е годы, когда в курсе школьной истории появилось бесчисленное количество учебников, противоположным образом излагающих и оценивающих те или иные исторические события и явления, а многие школьные учителя истории сами не знали, что следует говорить об истории России XX века, поэтому на всякий случай не говорили ничего.

В процессе всей истории развития человеческого сообщества кризисные периоды рождали потребность в идентификации с вождем или героем прошлого, в качестве одного из главных условий самоидентификации личности. Не только давно умерший, но и живой герой постепенно теряет в массовом сознании свойства живого человека и приобретает символические характеристики. Для понимания этих характеристик достаточно сравнить содержание мифологизированных биографий современных политических лидеров, претендующих на роль вождей разного уровня, в которых конкретные события личной жизни приобретают одинаковый символиче-

ский смысл. Анализируя эти сочинения и сопоставляя основные элементы биографий, можно увидеть степень мифологизации образа того или иного политического лидера.

Исследования показывают, что, начиная с 2000 года, в массовом сознании происходило становление образа единственного героя – Президента РФ В.В. Путина, который воспринимался этим сознанием в большей степени в качестве символической фигуры (символ новой национально-государственной идентичности), чем реальной личности.

Процесс самоидентификации сообщества приобретает законченную форму после формирования особой системы символов и ритуалов, с помощью которых происходит самоидентификация культурных, социальных или политических общностей, символизация сознания и ритуализация поведения, достигается эмоционально-психологическое слияние личности с группой. Ритуал помогает его участникам освободиться от страха как перед мистическим врагом, так и перед неизведанным, не поддающимся восприятию будущим.

Повсеместное строительство многочисленных памятников-идолов является столь же необходимым элементом воздействия на историческую память поколений, как и последующее их торжественное разрушение. Из глубин архаических форм социокультурной и политической идентичности происходит и господство "магии имени", эта не до конца осознанная вера в то, что изменение названия города, района или улицы (так называемое возвращение исторических названий) сможет изменить к лучшему и жизнь их обитателей. Разрушение символов прошлого создает иллюзию "управления временем", являющегося в мифологическом сознании одним из признаков власти. Новая политическая власть символически уничтожает старую, новый политический миф уничтожает материальных носителей старой мифологии [4, с. 154-171]. Появление все новых предложений по переименованию улиц и районов Москвы, исходящих от самых различных общественных и политических акторов (последний пример: выступление министра культуры В. Мединского, поддержанное рядом представителей православной церкви), свидетельствует, прежде всего, о неразрешенной до сегодняшнего дня проблеме отношения к собственной истории и отсутствию согласия по поводу ответа на вопрос «Откуда мы?».

Роль исторической памяти в процессе поиска идентичности в современной России

В содержательном плане роль исторической памяти в процессе поисков идентичности в современной России может быть представлена в виде нескольких направлений. На соотношение этих направлений в массовом сознании влияют как историко-культурный характер социальной среды, так и степень внедрения в массовое сознание исторических образов и представлений.

Одно из них связано с потерей личностью собственной идентичности, что мотивирует поиск новых форм и способов идентификации с культурной и социальной средой. При этом на начальном этапе кризиса на первый план выходят наиболее очевидные этнические или этноконфессиональные характеристики, по которым и происходит самоидентификация. Позже она дополняется самоидентификацией региональной, где регион выступает в качестве особым образом идентифицированного субъекта, мистического единства общности с территорией, своеобразного аналога русской общины-мира. В отсутствие у значительной части граждан (прежде всего представителей молодого поколения) целостного представления о российской истории каждая из этих общностей пишет свою историю и поддерживает ее с помощью собственной системы символов и ритуалов. При этом символический смысл приобретают такие события, как празднования Дня города или юбилея региона, где его реальный возраст играет абсолютно второстепенную роль. "Древность" региона, его "укорененность" в истории вместе с "особой" ролью, сыгранной им в отдельные периоды в судьбе России, служат средством символического повышения статуса общности. "Выдающиеся земляки" играют роль героев складывающегося исторического мифа, позволяя сегодняшнему региональному лидеру претендовать на роль культурного и политического вождя [10].

Второе направление связано с тем, что историческая память, включающая в себя функцию познания и обоснования сегодняшней социальной реальности, может стать важным фактором политического развития в том случае, если с его помощью обосновываются существование определенной политической системы (режима) либо претензии определенной личности или группы на особую роль в системе политических отношений (в том числе претензии на власть). В этом случае он включает в себя элемент целенаправленного идеологического производства. В связи с этим вполне закономерным представляется обращение к конкретным историческим сюжетам в программных документах политических партий и движений. Результатом такой деятельности стало одновременное существование в современной России нескольких различных, иногда противоположных в своих оценках реальных исторических событий национальных историй, имеющих собственную периодизацию, собственных героев и врагов, и, как следствие, собственный взгляд на закономерности исторического развития.

В ситуации поиска российским обществом оснований для формирования национально-государственной идентичности особое значение приобретает третье направление, связанное с целенаправленной деятельностью по «возвращению» в массовое сознание, в сознание молодежи исторических образов и символов, позволяющих формировать представление о национальной истории как о целостном, неразрывном процессе, в котором современный человек может найти обоснование и оправдание собственному существованию и в качестве личности, и в качестве гражданина. В этом

состоит основная цель государственной исторической политики. К сожалению, в современной России эта политика больше похожа не на системную и целенаправленную деятельность по формированию идентичности, а скорее на набор отдельных ответных шагов по отношению к заявлениям и действиям идеологических противников или конкурентов, таких, как создание Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России (май 2009 – февраль 2012).

Список литературы

1. Moscovici S. On social representations // Forgas, J. P. (Hrsg.): *Social Cognition: perspectives, on everyday understanding*. London, 1981.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
3. Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс. 2002. №8. С. 85-59.
4. Бочаров В. Власть и время в культуре общества // *Пространство и время в архаических и традиционных культурах*. М., 1996. С. 154-171.
5. Волкан В., Оболенский А. Национальные проблемы глазами психоаналитика с политическим комментарием // *Общественные науки и современность*. 1992. № 6. С. 76-142.
6. Евгеньева Т.В., Селезнева А.В. Образ «врага» как фактор формирования национальной идентичности современной российской молодежи // *Полития. Вестник Фонда «Российский общественно-политический центр»*. М.: РОПЦ. 2007. №3. С. 83-92.
7. Зубкова Е., Куприянов А. Возвращение к "русской идее": кризис идентичности и национальная история // *Национальные истории в советском и постсоветском государствах*. М., 2003. С. 296-325.
8. Лойко О.Т., Вакурина Н.А. Социальная память в контексте историзма // *Вестник Томского государственного университета*. 2011. №1 (13). С. 158-161.
9. Мещеркина Е.Ю. Историческая память и политики меморизации // *Россия реформирующаяся: Ежегодник - 2005 / отв.ред. Л.М. Дробижева*. М.: Институт социологии РАН, 2006. С. 198-213.
10. Нечаев В.Д. Региональный миф в политической культуре современной России. М., 1999.
11. *Образы российской власти: От Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопаля*. М., 2009.
12. Следзевский И.В. Феномен политического сознания в ситуации социокультурного кризиса // *«Новая» Россия: социальные и политические мифы*. М., 1999.

Евгеньева Татьяна Васильевна, канд. ист. наук, доц., etv133@mail.ru, Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Селезнева Антонина Владимировна, канд. полит. наук, ст. преп., ntonina@mail.ru, Россия, Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

POLITICAL REPRESENTATIONS IN THE CONTEXT OF HISTORICAL MEMORY: IMAGE OF THE PAST IN THE SITUATION OF IDENTITY CRYSIS

T.V. Evgenyeva, A.V. Selezneva

The article represents political psychological approach to the political representations' analysis in the context of historical memory. Historical representations form the basis for social and political identity in the situation of identity crisis. The article is analyzing the particular features of this process in the post-Soviet Russia. The article is based on the results of the project "Political and psychological mechanisms of formation of the national-state identity in contemporary Russia" (Grant RFH № 12-03-00307).

Key words: political psychology, political representations, historical memory, political identity, national identity, identity crisis.

Evgenyeva Tatiana Vasilievna, Ph.D. History, associated professor, etv133@mail.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University.

Selezneva Antonina Vladimirovna, Ph.D. Political science, senior lecturer, ntonina@mail.ru, Russia, Moscow, Lomonosov Moscow State University.

УДК 323

МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КАЗАХСТАНСКОГО ОПЫТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

В.Ф. Ницевич, В.В. Огнева

Актуализируется внимание на целесообразности изучения опыта подготовки кадров государственных служащих в Республике Казахстан, где за годы независимого развития сложилась модель компетентностного подхода в обучении специалистов. Обращается внимание на особенности содержания программ профессиональной подготовки, работу с кадровым резервом, формирование статусного рейтинга выпускников, зарубежные обмены.

Ключевые слова: государственная служба, профессиональная подготовка кадров, евразийский центр обучения государственных служащих, международное сотрудничество.

Поиск рациональной модели государственного управления неразрывно связан с повышением уровня профессионализма государственных служащих. Закономерно в связи с этим встает проблема, связанная с повышением эффективности подготовки кадров государственной службы, в